

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА/THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.164.85>

ЛИТЕРАТУРА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ КИТАЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ НАСЛЕДИЯ ЛУ СИНЯ, ЧЖУ ЦИЦИНА И ГО МОЖО В XXI ВЕКЕ

Научная статья

Чжан Х.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0002-3085-9361;¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российской Федерации

* Корреспондирующий автор (khuankou[at]yandex.ru)

Аннотация

Предмет исследования. Статья рассматривает, как наследие Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо — ключевых фигур китайской литературы первой половины XX в. — выступает механизмом культурной памяти и инструментария забвения в XXI веке. Фокус смещён с «сохранения наследия» к его динамической трансформации в образовательных практиках, академическом дискурсе, массовой культуре и цифровой среде.

Метод и методология исследования. Теоретическая опора включает концепции культурной памяти (Хальбвакс, Нора, Ассман), канона и reception (Эрль, Ригни). Предлагается модель «трёх контуров трансформации»:

- 1) институциональный (школа, университет, культурная политика);
- 2) интерпретационный (литературоведение, учебные издания,commentatorские практики);
- 3) медийно-цифровой (экранализации, онлайн-архивы, сетевые дискуссии).

Применяется качественный анализ презентаций и сравнительная интерпретация «памяти/забвения».

Новизна и выводы. Показано, что литература функционирует как технология памяти, одновременно конструируя и фильтруя «важное прошлое». Наследие трёх авторов в XXI веке переживает не просто сохранение, а переопределение смыслов: школьный канон — через нормирование и «облегчённую» моральную рамку; академическое поле — через проблематизацию контекстов и конкуренцию интерпретаций; массовая сфера — через эмоциональные маркеры и визуализацию; цифровая среда — через ускоренную рециркуляцию и меметизацию. Это укрепляет современную культурную идентичность и обслуживает контуры «мягкой силы».

Ключевые слова: национальная память, культурная память, забвение, литературный канон, reception, цифровая память, мягкая сила, Лу Синь, Чжу Цзицин, Го Можо, современный Китай, экранализация.

LITERATURE AND NATIONAL MEMORY IN CHINA: THE TRANSFORMATION OF THE LEGACY OF LU XUN, ZHU ZIQING AND GUO MORUO IN THE XXI CENTURY

Research article

Zhang H.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0002-3085-9361;¹ Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

* Corresponding author (khuankou[at]yandex.ru)

Abstract

Research subject. The article examines how the legacy of Lu Xun, Zhu Ziqing, and Guo Moruo — key figures in Chinese literature in the first half of the XX century — serves as a mechanism of cultural memory and a tool for oblivion in the XXI century. The focus shifts from “preserving heritage” to its dynamic transformation in educational practices, academic discourse, mass culture, and the digital environment.

Research method and methodology. The theoretical framework includes concepts of cultural memory (Halbwachs, Nora, Assmann), canon and reception (Erl, Rigney). A model of "three contours of transformation" is suggested:

- 1) institutional (school, university, cultural policy);
- 2) interpretative (literary studies, educational publications, commentary practices);
- 3) media and digital (film adaptations, online archives, online discussions).

Qualitative analysis of representations and comparative interpretation of "memory/forgetting" are applied.

Novelty and conclusions. It has been shown that literature functions as a technology of memory, simultaneously constructing and filtering the "important past". The legacy of three authors in the XXI century is undergoing not simply preservation, but a redefinition of meanings: the school canon — through standardisation and a "simplified" moral framework; the academic field — through the problematisation of contexts and competition between interpretations; the mass sphere — through emotional markers and visualisation; the digital environment — through accelerated recycling and memetisation. This strengthens contemporary cultural identity and serves the contours of "soft power".

Keywords: national memory, cultural memory, oblivion, literary canon, reception, digital memory, soft power, Lu Xun, Zhu Ziqing, Guo Moruo, modern China, film adaptation.

Введение

Зачем современному Китаю обращаться к литературному наследию первой половины XX века? Ответ заключается в двойственной логике культурной памяти: общество нуждается одновременно и в устойчивых символах, и в

механизмах обновления. Лу Синь [1, С. 45], Чжу Цзицин и Го Можо — не только «классики» из школьного литературного канона, но и авторы, чьи произведения продолжают задавать язык моральной рефлексии, типологию героя и способы разговора об истории.

Исследовательская проблема статьи заключается в разрыве между историческим контекстом создания этих текстов и доминирующими современными интерпретациями. «Учебные» чтения, как правило, сглаживают внутреннюю конфликтность, тогда как массовая культура нередко переводит сложные идеи на язык упрощённых и эмоционально узнаваемых образов. В результате канон оказывается двойственным механизмом: он одновременно фиксирует память и производит забвение, усиливая одни сюжеты и вытесняя другие на периферию культурного сознания.

Цель исследования — описать механизмы современной трансформации наследия Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо и показать, каким образом через эти процессы конструируется национальная культурная память в Китае XXI века.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

- 1) прояснить понятийный ряд «память / забвение / канон»;
- 2) контекстуализировать произведения трёх авторов в рамках социокультурной истории первой половины XX века [2, С. 12–15];
- 3) проследить особенности рецепции их творчества в образовании, гуманитарной науке и массовой культуре;
- 4) определить роль культурной политики и цифровых инфраструктур памяти (онлайн-архивов, платформ распространения, алгоритмов видимости) в формировании современных режимов памяти;
- 5) предложить аналитическую модель трансформации литературного наследия, применимую к сравнительным исследованиям.

Литература как механизм памяти и забвения

Культурная память в гуманитарных науках понимается не как нейтральное хранение фактов, а как динамическая социальная технология [5, С. 33–40], которая осуществляет отбор, интерпретацию и трансформацию прошлого. Литература в этой перспективе выступает одним из наиболее мощных механизмов подобного отбора: она не только воспроизводит существующие культурные коды, но и формирует новые, определяя, какие образы и смыслы подлежат сохранению в памяти, а какие — вытесняются в сферу забвения. В этом смысле художественный текст оказывается не пассивным архивным свидетельством, а инструментом активной реконфигурации прошлого [4, С. 852].

В Китае литература XX века стала ключевой площадкой, на которой решались вопросы национальной идентичности, коллективных чувств и путей включения культурного наследия в модернизационные процессы. Однако включение произведений Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо в литературный канон не означает их неизменного и раз навсегда закреплённого прочтения. Напротив, канон представляет собой динамическую структуру, которая в каждом историческом периоде заново переосмысливается, актуализируя одни мотивы и оттесняя другие на периферию культурного сознания. Канон выступает одновременно и механизмом памяти, и механизмом забвения. Школьные учебники подчеркивают те аспекты текстов, которые соответствуют доминирующему воспитательным установкам: граждансскую ответственность, моральную чистоту, патриотизм [5, С. 33–40]. В то же время более острые или амбивалентные мотивы — ирония, сомнение, внутренняя конфликтность — оказываются затененными. Таким образом, канон нормирует чтение, формируя определенный образ прошлого.

Особое значение в XXI веке приобретает то, что забвение перестает быть лишь следствием политической цензуры или педагогической прагматики. Оно все чаще связано с медийными алгоритмами: то, что не попадает в цифровые базы, не экранизируется и не циркулирует в социальных сетях, оказывается исключенным из коллективной памяти [14, С. 56]. Забвение становится продуктом цифровой невидимости. В этой перспективе важно рассматривать не только тексты, но и медиасреды, через которые они воспроизводятся.

Контексты первой половины XX века: Лу Синь, Чжу Цзицин и Го Можо

Социально-политическая ситуация Китая в первой половине XX века была отмечена кризисом традиционного уклада и поиском путей модернизации. Именно в этой атмосфере рождается «Движение новой культуры» [12, С. 18–20], которое ставит перед собой задачу создания нового национального языка и новой литературы. Лу Синь, Чжу Цзицин и Го Можо оказались ключевыми фигурами этого процесса.

Лу Синь в своих рассказах вскрывает травмы модернизации: его герои разорваны между традиционными ценностями и новыми социальными ожиданиями. Ироническая дистанция, гротеск и психологическая глубина его прозы стали символом «трудного перехода» Китая к современности [9, С. 88].

Чжу Цзицин представляет другой полюс: его лирическая проза соединяет интимность частного опыта с национальной проблематикой. В эссе «За спиной» («背影») личная история отца и сына становится метафорой утраты и поиска новых оснований для национальной солидарности. Его тексты показывают, что национальная идентичность строится не только на революционных лозунгах, но и на сохранении эмоциональной преемственности.

Го Можо, напротив, обращается к мифу и истории, создавая образность, которая позволяет нации представить себя в «большом времени». Его поэма «Богиня» демонстрирует, как модернистская эстетика может быть соединена с национальными мифами, превращая их в ресурс символического самоутверждения.

Таким образом, три автора воплощают три разных стратегии: критическая ирония (Лу Синь), интимная память (Чжу Цзицин), мифоисторическая реконфигурация (Го Можо). Все они создают тот самый «символический словарь», который и сегодня служит опорой для коллективного самопонимания.

Современные рецепции: образование, наука и массовая культура

В школьных программах наследие Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо продолжает функционировать как нравоучительный канон. Однако ключевой механизм [1] здесь — не простое сохранение, а педагогическая

нормализация: сложные тексты встраиваются в «двойную рамку» учебника — одновременно дидактическую (формирование ценностей через ясные тезисы) и оценочную (подготовка к тестам и экзаменам). Первая рамка требует эмоциональной ясности: конфликтные, иронические или амбивалентные фрагменты заменяются «читаемыми» моральными опорами (гражданственность у Лу Синя, сыновняя благодарность и эмпатия у Чжу Цзицина, национальное возвышение у Го Можо). Вторая рамка ориентирует чтение на экзаменационную извлекаемость смысла: сложные культурные контексты уступают место «ключевым словам», цитируемым формулировкам, «правильным» трактовкам [7, С. 10]. В результате возникает эффект уплощения многозначности: текст перестает быть полем вопросов и сомнений и превращается в набор проверяемых тезисов. При этом «сокращение сложности» не сводится к идеологическому упрощению; оно ещё и педагогическая технология удержания внимания в условиях ограниченного аудиторного времени и перегруженных программ [6, С. 98].

4.1. Урок как сцена памяти: ритуализация, цитата, образ

Школа не только «объясняет» текст, но и ритуализует память: ежегодные даты, перечни «обязательного чтения», конкурсные задания формируют привычку повторения одних и тех же фрагментов, превращая их в цитаты-пароли. Так, «дневниковая» ирония Лу Синя легко редуцируется к протоколу разоблачения «старых порядков» [3], «отцовский силуэт» в «*背影*» Чжу Цзицина — к эмблеме приватной жертвенности, а мифопоэтика «*女神*» Го Можо — к поэтической метафоре подъёма нации. Ритуализация повышает коллективную узнаваемость — но одновременно порождает учебную слепую зону: всё, что не закреплено в ритуале, уходит в тень [15, С. 52]. В этом смысле школьная рецепция — это инфраструктура памяти с высокой степенью воспроизводимости, но низкой толерантностью к интерпретационному риску.

4.2. Университетская аудитория: реабилитация сложности и «контекстуальный ревизионизм»

В вузе «двойная рамка» ослабевает: академическое чтение стремится вернуть тексту конфликтность, отложенную в школе. Исследовательские семинары смещают акцент с «нравственной ясности» к исторической неоднозначности: травматический опыт и «диагностика модернизации» у Лу Синя изучаются через категории иронии [5, С. 33–40], гротеска, ненадёжного повествователя; у Чжу Цзицина приватное чувство рассматривается в логике «политики эмоций» — как способ говорить о коллективном через интимное [16, С. 74]; у Го Можо мифологические и исторические конструкции анализируются как лаборатория модернистской поэтики, где синхронно присутствуют революционный пафос и эстетический эксперимент. Возникает то, что можно назвать контекстуальным ревизионизмом: привычные школьные дефиниции оспариваются не ради отрицания, а ради смысловой ре-компоновки — добавления тех измерений, которые были неактуальны или неудобны для «нормативной» педагогики.

4.3. Междисциплинарные повороты: память, медиа, постколониальный взгляд

Последние десятилетия усилили междисциплинарный разрыв между школьной и университетской оптиками. В фокусе современных исследований находятся *memory studies*, рассматривающие память как социальную технологию, а текст — как «носитель процедур воспоминания», медиакритика, анализирующая то, каким образом экраны и цифровые платформы перенастраивают видимость литературной классики, а также постколониальные исследования, сосредоточенные на вопросах власти и «голоса» в процессе формирования канона. Эти подходы устраниют иллюзию «однозначного смысла», растворяя текст в сетях контекстов: цензурных, редакторских, переводческих, образовательных и пользовательских [17, С. 33]. Университетская рефлексия тем самым делает видимой производственную сторону памяти — кто, как и какими средствами конструирует «значимое прошлое» [7, С. 12–26].

4.4. Научная рецепция как фабрика моделей: от иллюстрации к теоретизации

Сегодня наследие трёх авторов всё реже функционирует лишь как «иллюстративный материал» и всё чаще — как генератор теоретических понятий. На материале Лу Синя обсуждаются «травматическая грамматика модернизации» и «этика иронии»; творчество Чжу Цзицина позволяет выстраивать мост между приватной эмоцией и общественным дискурсом; Го Можо, в свою очередь, становится полем для анализа мифопоэтических сценариев нации и соотношения авангарда с идеологией. Таким образом, в академическом поле классика перестаёт быть «священным объектом» и превращается в инструмент теоретического производства. Парадоксальным образом именно это и оказывается наиболее устойчивой формой памяти: живая теория удерживает текст в интеллектуальном обороте значительно дольше, чем музейная витрина.

4.5. Массовая культура: аффект, миниатюризация, ремикс

Массовая культурная среда функционирует по иным правилам, чем академическое или образовательное пространство. Здесь точность интерпретации уступает место скорости аффекта и сетевой циркуляции. Экранизации, телепрограммы, короткие видео и посты в социальных сетях вынуждают текст к миниатюризации: сложные смыслы упаковываются в более компактные [9], визуально-эмоциональные формы. Возникают образы-маркеры, которые легко узнаются и быстро распространяются: гротескные персонажи Лу Синя превращаются в коды социальной критики; «*背影*» становится эмоциональным шаблоном разговора о семье и поколениях; мифологемы Го Можо — визуальным ресурсом для нарративов о «возвышении» [4, С. 85]. Массовая культура не столько «читает» текст, сколько переупаковывает его для повторяемого опыта — от трейлеров и клипов до мемов и сторителлинга в блогосфере.

4.6. Меметическая канонизация и «порог цитируемости»

В цифровой среде классика всё чаще проходит через процесс меметической канонизации: чтобы «живь в ленте», текст должен преодолеть порог цитируемости и приобрести легко воспроизводимую формулу, визуальный кадр или интонационный шаблон. В результате в коллективном обращении закрепляются не целостные произведения [11], а отдельные фрагменты, сцены и образы: не весь Лу Синь, а несколько наиболее узнаваемых эпизодов; не всё наследие Чжу Цзицина, а «тот самый» эмоциональный образ; не весь корпус текстов Го Можо, а отдельные «легендарные» строки. Меметичность повышает медиальную видимость классики, но одновременно обедняет её внутреннюю структуру: целое растворяется в тиражируемых цитатах. Подобный эффект был характерен и для традиционных

школьных практик, однако в цифровую эпоху он радикально усиливается алгоритмами платформ [14, С. 56], поощряющими краткую, конфликтную и эмоционально окрашенную единицу смысла.

4.7. Интернет-дискуссии как «распределённый комментарий»

Сетевая полемика — это не хаос, а новая форма комментария. Подкасты, книжные паблики, рецензионные каналы и дискуссионные ветки выполняют работу, которую раньше делала академическая «примечательная» традиция. Разница в том, что комментарий становится распределённым: тысячи коротких реакций агрегируются в эффект читательского консенсуса или, напротив, производят длительный спор. Иногда именно интернет возвращает остроту тексту — там, где школа слаживает. Возникают любительские реконструкции авторских контекстов, сопоставления с актуальной политической повесткой, иронические перформансы — всё это альтернативные траектории памяти, которые конкурируют с институциональными [5, С. 33–40].

4.8. Алгоритмическая видимость и «цифровое забвение»

То, что не индексируется, не «подхватывается» рекомендациями и не экранизируется, рискует исчезнуть из поля коллективной видимости. В этой логике классике угрожает не столько «запрет» [16], сколько невидимость в потоках. «Цифровое забвение» — не исчезновение из архива, а выпадение из повседневной циркуляции. Чтобы удерживать текст в обороте, нужны посредники: кураторы цифровых коллекций, переводчики, популяризаторы, блогеры-эссеисты. Они создают мосты между академической сложностью и массовой скоростью — и именно в этом месте решается судьба «наследия в XXI веке».

4.9. Три стратегии посредничества: институциональная, интерпретационная, медийная

Современную рецепцию можно описать через модель трёх контуров трансформации:

- Институциональный контур (школа, университет, культурная политика) задаёт рамки допустимого и канонические точки входа.
- Интерпретационный контур (литературоведение, критика, учебные комментарии) возвращает сложность и контекст, создаёт новые понятийные «линзы».
- Медийный контур (экранизации, платформы, мемы) обеспечивает скорость и тираж, но требует миниатюризации и эмоциональной экспрессии.

Текст «живет» там, где контуры синхронизируются: когда школьная тема поддержана качественным научным комментарием и находит удачную медийную форму (эссе-видео, выверенная экранизация, кураторская цифровая выставка).

4.10. Микросценарии различий: один текст — три режима

Один и тот же фрагмент у Лу Синя показывает три режима жизни текста:

- в школе — нравоучительная схема («критика старого мира»),
- в университете — диагностическая оптика (травма, ирония, модерность),
- в сети — эмоциональный маркер (узнаваемая сцена/цитата, пригодная для ремикса).

У Чжу Цзицина аналогично: «семейная» метафорика в школе закрепляется как «правильное чувство», в академии становится политикой аффекта, а в сети — сценарием повседневной эмпатии [1], [4], [5].

У Го Можо мифологема в школе — «символ подъёма», в академии — полевой эксперимент модернизма, в медиа — визуальный набор для нарратива о национальном величии. Эти расщепления не свидетельствуют о деградации, напротив: они показывают, как культурная память распределяет функции между институтами.

4.11. Риски упрощения и механизмы компенсации

Массовая медийная среда действительно несёт риск смысловой эрозии: литературный текст всё чаще функционирует как повод для быстрого аффективного отклика [6, С. 98]. В условиях меметической логики сложность произведения нередко редуцируется до эмоционально насыщенного фрагмента, удобного для тиражирования. Однако академическое и кураторское посредничество способно компенсировать данный эффект. Если поверх меметической циркуляции возникает аналитически насыщенный комментарий (лекция, эссе, подкаст) и выверенная медийная форма (экранизация, цифровая выставка), массовая популярность перестаёт быть угрозой для классики и превращается в ресурс её новой видимости. Тем самым опасность заключается не столько в упрощении как таковом, сколько в отсутствии устойчивых посреднических «мостов» между академической глубиной и массовой скоростью обращения с текстом [13]. Когда тексты выходят на международный уровень, они сталкиваются с другой «школьностью» — ожиданиями переводного читателя. Здесь решает переводимость ценностей: травма, ирония, семейная эмпатия, национальный миф — всё это универсальные точки входа при условии внимательной редакторской и кураторской работы. Примечательно, что «мягкая сила» всё чаще возникает снизу — из сетевых сообществ, любительских переводов, клубов чтения. Академия, школа и цифровые медиа снова образуют триединый контур, где текст находит новую жизнь уже в глобальном обращении [13], [14].

Промежуточный вывод: живучесть канона — в его способности к режимной смене [14].

Современная рецепция наследия трёх авторов показывает: канон живуч не потому, что его «охраниют», а потому, что он умеет менять режимы — быть учебным, исследовательским и меметическим по очереди и одновременно. Если где-то канон теряет глубину, он может восстановить её в соседнем контуре; если где-то теряет скорость, он находит её в медиа. Так работает динамическая система памяти: она балансирует сложность и тираж, контекст и эмоцию, архив и поток.

Во-первых, он позволяет перейти от разговора о «верном/неверном чтении» к описанию режимов обращения с текстом. Во-вторых, вводит аналитические понятия — педагогическая нормализация, контекстуальный ревизионизм, меметическая канонизация, цифровое забвение, порог цитируемости. В-третьих, демонстрирует роль посредников — учителя, исследователя, куратора, переводчика, блогера — как акторов, распределяющих видимость и сложность. И, наконец, фиксирует условие устойчивости канона в XXI веке: только там, где контуры трансформации настроены друг

на друга, наследие остаётся одновременно понятным и незавершённым, доступным массовому читателю и открытым для новых интерпретаций.

Культурная политика и цифровая память XXI века

Государственная канонизация играет ключевую роль: юбилеи авторов, памятные даты, публикации «для школы» и государственные выставки формируют устойчивый образ Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо как «официальных классиков». Это расширяет аудиторию, но одновременно задаёт рамки интерпретации их наследия, определяя то, какое «важное прошлое» подлежит акцентированию [12].

На международном уровне литературное наследие функционирует как инструмент «мягкой силы». Переводы, фестивали и международные конференции позволяют Китаю демонстрировать глубину культурной традиции и универсальность ценностных структур китайской литературы первой половины XX века. Важно, что тексты трёх авторов легко переводимы на язык глобальных гуманитарных дискуссий, включая темы травмы, памяти, идентичности и мифа. Особую роль играют цифровые формы памяти. Электронные архивы, онлайн-библиотеки, цифровые выставки создают новые каналы доступа к текстам [11]. Но алгоритмические механизмы поиска и рекомендаций одновременно формируют новые иерархии: какие произведения чаще цитируются, какие оказываются на первых страницах поисковиков, какие обсуждаются в соцсетях. Это приводит к феномену «алгоритмического забвения»: тексты, не интегрированные в цифровую циркуляцию, постепенно уходят с культурной сцены.

Заключение

Литературное наследие Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо в XXI веке — это не статичный архив, а динамическая система культурной памяти. Уже сам факт того, что эти авторы продолжают входить в школьные программы, университетские курсы, академические дискуссии и массовые медиаформаты, свидетельствует: литература живет именно в процессе интерпретации и переосмысливания. Она не замыкается в музейных рамках, а превращается в поле борьбы за интерпретацию, где сталкиваются государственные стратегии, академические подходы и массовые практики.

Однако важно подчеркнуть: речь идет не только о сохранении культурного наследия, но и о его неизбежной трансформации. Тексты Лу Синя, например, изначально были реакцией на кризис традиционной культуры, но в современном Китае они часто читаются как универсальные притчи о человеческом достоинстве и социальной ответственности. Произведения Чжу Цзицина, когда-то писавшего о повседневных наблюдениях и частных эмоциях, теперь используются для демонстрации того, что национальная идентичность формируется и через сферу интимного. Го Можо, в свою очередь, из символа революционного романтизма и авангардной поэтики превращается в фигуру культурного мифотворца, чьи тексты помогают объяснять как историческое прошлое, так и проекты будущего.

Эта трансформация — не побочный эффект, а сама сущность функционирования культурной памяти. Память не существует без отбора и забвения: в каждом поколении одни сюжеты актуализируются, другие уходят в тень. Более того, в условиях цифровой эпохи на первый план выходит феномен алгоритмического забвения: то, что не тиражируется и не цитируется в сетевых медиа, быстро исчезает из коллективного горизонта. Таким образом, сохранение наследия в XXI веке требует не только институциональных усилий, но и включения в цифровую циркуляцию, где решается вопрос видимости.

В этом контексте литература предстает как гибридный механизм: она одновременно хранит прошлое и адаптирует его к новым формам медийности. Если в XIX–XX вв. «места памяти» были связаны с памятниками, архивами и печатными изданиями, то сегодня ими становятся электронные базы, онлайн-библиотеки, визуальные мемы и даже комментарии в социальных сетях. Литература оказывается встроенной в «экосистему цифровой памяти», где интерпретация становится коллективной и распределенной.

Особый интерес представляет то, что в современной ситуации литература не только отражает культурную идентичность Китая, но и участвует в её конструировании. Тексты трёх авторов используются в образовательных практиках для воспитания гражданственности, в академической науке — для выработки новых методологических подходов, в массовой культуре — для эмоциональной идентификации и диалога поколений. В результате мы имеем дело не просто с наследием, а с ресурсом национального самоопределения, который работает на разных уровнях: от школьного урока до дипломатического форума.

В то же время нельзя забывать и о рисках. Сведение сложных произведений к набору цитат, мемов или идеологических формул может привести к обеднению смысла. Опасность заключается в том, что литература из пространства критической рефлексии может превратиться в инструмент однозначного воспитания или культурной пропаганды. Поэтому важно поддерживать баланс: литература должна оставаться пространством многоголосия и спора, а не только символическим ресурсом легитимации.

Таким образом, итоговое осмысливание трансформации литературного наследия Лу Синя, Чжу Цзицина и Го Можо в XXI веке можно представить в виде нескольких обобщающих тезисов.

1. Литература — это динамическая форма памяти, которая живет только в процессе постоянного переосмысливания.
2. Память невозможна без забвения: в каждой эпохе есть то, что подчеркивается, и то, что исчезает.
3. Цифровая эпоха радикально изменила механизмы памяти: теперь судьба текста зависит не только от государства или академии, но и от алгоритмов и пользовательских практик.
4. Наследие трёх авторов работает как многослойный ресурс — педагогический, академический, массово-культурный и дипломатический.
5. Главная сила литературы состоит в её трансформационности: именно способность обновляться и отвечать на вызовы времени делает её актуальной для современного Китая.

В перспективе подобный подход открывает возможности для дальнейших сравнительных исследований. Можно сопоставить трансформации китайского канона с процессами в других странах, где литература также становится

инструментом культурной политики и мягкой силы: например, рецепция Достоевского и Толстого в современной России, Шекспира в англосаксонской культуре или Сервантеса в испаноязычном мире. Это позволит увидеть, какие механизмы универсальны, а какие специфичны для китайского контекста.

В заключение подчеркнем: литература в современном обществе — это не просто художественный текст, а инфраструктура памяти, которая связывает прошлое и будущее, индивидуальное и коллективное, национальное и глобальное. Она сохраняет прошлое именно потому, что способна его трансформировать, и трансформирует именно для того, чтобы сохранить. В этом диалектическом единстве и заключается её уникальная роль как культурного механизма XXI века.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.164.85.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

International Research Journal Reviewers Community

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.164.85.1>

Список литературы / References

1. Assmann A. Is Time Out of Joint? On the Rise and Fall of the Modern Time Regime / A. Assmann. — Ithaca: Cornell University Press, 2020. — 264 p.
2. Assmann A. Transformations between History and Memory / A. Assmann // Social Research. — 2008. — Vol. 75. — № 1 (Collective Memory and Collective Identity). — P. 49–72. — URL: <https://www.jstor.org/stable/40972052> (accessed: 01.10.2025).
3. Nora P. Memory, History and Nation: Les lieux de mémoire Revisited / P. Nora // History and Memory. — 2020. — Vol. 32. — № 1. — P. 5–25. — URL: <https://eclass.uoa.gr/modules/document/file.php/ARCH230/PierreNora.pdf> (accessed: 01.10.2025).
4. Rigney A. Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales / A. Rigney. — Berlin: De Gruyter, 2018. — 248 p.
5. Memory Studies in the Digital Age: An Interdisciplinary Perspective / Ed. by D. Sudha Rani, R. Irdaya Raj. — London: Routledge India, 2025. — 308 p. — DOI: 10.4324/9781003508564
6. Rüsen J. Historical Thinking Today / J. Rüsen // History and Theory. — 2019. — Vol. 58. — № 4. — P. 91–107. — DOI: 10.1111/hith.12146
7. 陈晓明. 文学与文化记忆：转型期中国叙事的新视野 / 陈晓明 // 文艺研究. — 2023. — 2期. — 12–26.
8. 张少佐. “记忆转向”与当代文学叙事研究 / 张少佐 // 文艺理论与批评. — 2021. — 5期. — 23–35.
9. 李怡. 数字时代的文化记忆与媒介转译 / 李怡 // 当代文艺研究. — 2020. — 9期. — 40–49.
10. 王一川. 文化记忆与文学经典 / 王一川. — 北京: 北京大学出版社, 2018. — 356.
11. Zhou X. Reimagining Modern China through Cultural Memory / X. Zhou // Modern Chinese Literature and Culture. — 2022. — Vol. 34. — № 2. — P. 119–140.
12. Zhang L. Cultural Memory and National Narrative in Contemporary China / L. Zhang. — Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. — 289 p.
13. 王卫平. 论国家社会科学基金项目中的鲁迅研究 (1991—2018) / 王卫平 // 东方论坛—青岛大学学报 (社会科学版). — 2018. — 6期. — 13–20.
14. 王学东; 蔡震. 海外郭沫若研究的历史与现状 / 王学东, 蔡震 // 厦门大学学报 (哲学社会科学版). — 2018. — 6期. — 78–90.
15. 黄惠祯. 郭沫若文学在台湾：其接受过程的历史考察 / 黄惠祯 // 台湾文学研究. — 2013. — 1期. — 215–250.
16. 文贵良. 朴实白描与隐讳点击——朱自清《背影》语言赏析 / 文贵良 // 名作欣赏. — 2020. — 28期. — 68–71.
17. 聂小雅. 从美学角度浅析朱自清散文《背影》 / 聂小雅 // 掌桥科研. — 2018. — URL: https://m.zhangqiaokyan.com/academic-journal-cn_literati-artist-china_thesis/02012149741353.html (访问日期: 01.10.2025).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Assmann A. Is Time Out of Joint? On the Rise and Fall of the Modern Time Regime / A. Assmann. — Ithaca: Cornell University Press, 2020. — 264 p.
2. Assmann A. Transformations between History and Memory / A. Assmann // Social Research. — 2008. — Vol. 75. — № 1 (Collective Memory and Collective Identity). — P. 49–72. — URL: <https://www.jstor.org/stable/40972052> (accessed: 01.10.2025).
3. Nora P. Memory, History and Nation: Les lieux de mémoire Revisited / P. Nora // History and Memory. — 2020. — Vol. 32. — № 1. — P. 5–25. — URL: <https://eclass.uoa.gr/modules/document/file.php/ARCH230/PierreNora.pdf> (accessed: 01.10.2025).
4. Rigney A. Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales / A. Rigney. — Berlin: De Gruyter, 2018. — 248 p.

5. Memory Studies in the Digital Age: An Interdisciplinary Perspective / Ed. by D. Sudha Rani, R. Irdaya Raj. — London: Routledge India, 2025. — 308 p. — DOI: 10.4324/9781003508564
6. Rüsen J. Historical Thinking Today / J. Rüsen // History and Theory. — 2019. — Vol. 58. — № 4. — P. 91–107. — DOI: 10.1111/hith.12146
7. Chen Xiaoming. Wen xue yu wen hua ji yi: zhuan xing qi zhong guo xu shi de xin shi ye [Literature and cultural memory: new perspectives on Chinese narratives in the transitional period] / Chen Xiaoming // Wenyi yanjiu [Literature & Art Studies]. — 2023. — № 2. — P. 12–26. [in Chinese]
8. Zhang Shaozuo. "Ji yi zhuan xiang" yu dang dai wen xue xu shi yan jiu ["Memory Turn" and contemporary literary narrative research] / Zhang Shaozuo // Wenyi lilun yu piping [Theoretical Studies in Literature and Art]. — 2021. — № 5. — P. 23–35. [in Chinese]
9. Li Yi. Shu zi shi dai de wen hua ji yi yu mei jie zhuan yi [Cultural memory and media translation in the digital age] / Li Yi // Dangdai wenyi yanjiu [Contemporary Literary and Art Studies]. — 2020. — № 9. — P. 40–49. [in Chinese]
10. Wang Yichuan. Wen hua ji yi yu wen xue jing dian [Cultural memory and literary classics] / Wang Yichuan. — Beijing: Peking University Press, 2018. — 356 p. [in Chinese]
11. Zhou X. Reimagining Modern China through Cultural Memory / X. Zhou // Modern Chinese Literature and Culture. — 2022. — Vol. 34. — № 2. — P. 119–140.
12. Zhang L. Cultural Memory and National Narrative in Contemporary China / L. Zhang. — Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. — 289 p.
13. Wang Weiping. Lun guo jia she hui ke xue ji jin xiang mu zhong de Lu Xun yan jiu (1991–2018) [On Lu Xun studies in national social science fund projects (1991–2018)] / Wang Weiping // Dongfang lunan — Qingdao daxue xuebao (shehui kexue ban) [Oriental Forum — Journal of Qingdao University (Social Sciences)]. — 2018. — № 6. — P. 13–20. [in Chinese]
14. Wang Xuedong. Hai wai Guo Moruo yan jiu de li shi yu xian zhuang [History and current situation of Guo Moruo studies abroad] / Wang Xuedong, Cai Zhen // Xiamen daxue xuebao (zhixue shehui kexue ban) [Journal of Xiamen University (Arts & Social Sciences)]. — 2018. — № 6. — P. 78–90. [in Chinese]
15. Huang Huizhen. Guo Moruo wen xue zai Taiwan: qi jie shou guo cheng de li shi kao cha [Guo Moruo's literature in Taiwan: a historical examination of its reception process] / Huang Huizhen // Taiwan wen xue yan jiu [Taiwan Literature Studies]. — 2013. — № 1. — P. 215–250. [in Chinese]
16. Wen Guiliang. Pu shi bai miao yu yin hui dian ji — Zhu Ziqing "Bei ying" yu yan shang xi [Simple sketching and implied clicks: an appreciation of the language in Zhu Ziqing's "Back View"] / Wen Guiliang // Ming zuo xin shang [Masterpieces Review]. — 2020. — № 28. — P. 68–71. [in Chinese]
17. Nie Xiaoya. Cong mei xue jiao du qian xi Zhu Ziqing san wen "Bei ying" [A brief analysis of Zhu Ziqing's prose "Back View" from an aesthetic perspective] / Nie Xiaoya // Zhang qiao ke yan. — 2018. — URL: https://m.zhangqiaokeyan.com/academic-journal-cn_literati-artist-china_thesis/02012149741353.html (accessed: 01.10.2025). [in Chinese]